

Т. С. Лунгиса были затронуты вопросы изменений в политической идеологии Византии на протяжении ранне- и средне-византийских периодов. Ойкумена периода Юстиниана отличалась от тех принципов политической идеологии, которые были выражены в «De administrando imperio». Изменения в политике и идеологии обусловлены как социальными изменениями, так и переменами в международной обстановке. Выступление Давида Ольстера было посвящено рассмотрению истории постепенного сосредоточения в руках византийских императоров тех функций, которые ранее принадлежали представителям церкви. VI новелла Юстиниана четко их различает. Императоры-иконоборцы присвоили функции клира. При разбирательстве в отношении Максима Исповедника император уже выступал как толкователь богословских догм. Это имело соответствующие религиозные и политические последствия в эпоху иконоборчества.

Несомненный интерес представляло собой участие в конгрессе финских ученых, в частности, сообщение о чертах византийского иконографического наследия в Финляндии. Имело место, таким образом, расширение диапазона исследований в новом направлении. В этом плане интересно также сообщение Ж. Лафонтен-Досоль о влиянии византийского искусства на различные формы прикладного и изобразительного искусства в Бельгии.

По случаю конгресса был организован ряд выставок: «Серебряные сокровища из ранней Византии» (Уолтерс Артс Галлери, Балтимор); «Византийские коллекции Думбартон Окса» (Вашингтон); фотовыставка «Армянская архитектура» (Джорджтаунский университет); «Византия в Принстоне» (Принстонский университет). Новейшие публикации по истории Византии были собраны в Джорджтаунском университете. Для участников конгресса были даны концерт Греко-византийского хора из Афин под руководством Д. Ангелопулоса и театрализованное представление «Вечер в Византии».

XVII Международный конгресс византистов продемонстрировал значительные достижения современного византиноведения, расширение его проблематики, обогащение новыми исследовательскими методиками. Вместе с тем дробность

секционных заседаний не всегда позволяла участникам присутствовать на интересующих их докладах по смежной тематике.

Собравшаяся на свое заседание по случаю Конгресса Генеральная ассамблея Международной ассоциации византистов избрала новое руководство ассоциации. Президентом ассоциации был избран И. Шевченко (Гарвардский университет, США), Генеральным секретарем — Я. Караяннопулос (Греция), вице-президентами: З. В. Удальцова (СССР), Д. Ангелов (НРБ), Р. Браунинг (Великобритания), М. Фрейзер (США), И. Ирмшер (ГДР) и др.

Почетными Президентами избраны Э. Арвейлер (Франция), А. Грабар (Франция), Г. Хунгер (Австрия), Б. Лаваньини (Италия), П. Лемерль (Франция), С. Рэнсимен (Великобритания) и Д. Закифинос (Греция).

Бюро ассоциации обратилось с официальной единодушной просьбой о проведении следующего XVIII конгресса византистов в 1991 г. в Москве. Конгресс с удовлетворением воспринял это обращение.

Советские византисты приняли самое активное участие в выступлениях с докладами и в дискуссиях на XVII конгрессе византистов в Вашингтоне. Им рассматривались все основные проблемы этой научной отрасли, представленные на конгрессе. Важное самостоятельное место заняла русская, славянская проблематика, пленарные доклады по которой были сделаны советскими специалистами. Существенным моментом явилась и активизация использования русского языка в качестве рабочего языка конгресса. Характерно, что нередко полемика даже между зарубежными учеными шла на русском языке (на секциях «Византия и Русь», «Византия и славяне»).

Работа бюро Международной ассоциации подтвердила прочность советских позиций в ассоциации, а обращение ассоциации с просьбой о проведении следующего международного конгресса византистов в 1991 г. в Москве стало наглядным подтверждением роста авторитета и влияния отечественной школы византиноведения в международной научной жизни.

**З. В. Удальцова, С. П. Карпов, Г. Г. Литаврин, И. П. Медведев,
К. В. Хвостова, Я. Н. Щапов, С. А. Иванов**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ВИЗАНТИНИСТОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН (МОСКВА, 16—20 ДЕКАБРЯ 1986 г.)

16—20 декабря 1986 г. в Москве, в Институте всеобщей истории АН СССР проходил очередной международный симпозиум византистов социалистических стран. Симпозиум проводился согласно плану Долгосрочной программы многостороннего сотрудничества Академий наук социалистических стран в области общественных наук на 1986—1990 гг.

по теме «История народов Европы (История Византии)». В работе симпозиума приняли участие ученые СССР, ГДР, ЧССР. Во главу обсуждения был поставлен кардинальный вопрос — «Социальная структура византийского общества VI—XIII вв.»

Одним из основных докладов симпозиума был доклад члена-корреспондента

АН СССР З. В. Удальцовой (Москва) «Иконоборческое движение в Византии». В нем была дана общая характеристика этого сложного, неоднозначного явления византийской истории VIII—IX вв. и прослежено его влияние на дальнейшее развитие византийского государства, его идеологию и культуру. Важное место в докладе отводилось выявлению идеологических корней иконоборчества. Остановившись на дискуссионном вопросе о влиянии западной и восточных культур на формирование идеологии иконоборческого движения, З. В. Удальцова подробно охарактеризовала его связи с иудаизмом и исламом, которые проявились в самых разных сторонах этого течения: идеологии, культуре и искусстве и, в частности, в архитектуре и живописи, наметив новые перспективы решения данной проблемы. Особое внимание докладчица обратила на развитие светской культуры, искусства и литературы VIII—IX вв., а также на изменение мировоззренческих установок, дав подробный анализ творчества историографов этой эпохи, Феофана и Никифора, поэтессы Кассии; были подняты также вопросы эволюции системы обучения и образования в Византии того периода.

В ходе последовавшей дискуссии З. В. Удальцова подробно остановилась на социальных аспектах иконоборчества, в частности (в ответе на вопрос Г. Г. Литаврина) на роли городов как одной из опор иконоборцев. Освещена была ею и роль епископов в этом движении.

По вопросу идеологических корней иконоборчества мнения выступающих существенно разошлись. З. Г. Самодурова, сторонница континуитета, отстаивала точку зрения о преемственности культуры этого периода с античной культурой, проявлявшейся наиболее отчетливо в системе воспитания и образования. В. Вавржинек и А. А. Чекалова активно поддерживали идею З. В. Удальцовой относительно восточных влияний на иконоборческое движение.

Большой интерес у участников симпозиума вызвал доклад Х. Кепштейн (Берлин) «Парики в ранней Византии. Проблемы термина и статуса». На основе анализа конституции Анастасия, новелл Юстиниана, Василик и постановления Козьмы Магистра докладчица рассмотрела соотношение термина «парик» ранневизантийского периода с такими понятиями как «колон», «эмфитевт», «арендатор», «инквилин». В результате Х. Кепштейн пришла к выводу, что термин «парик» не адекватен термину «колон», который передавался по-гречески как *γεωργός* или как *ἀναπόγραφος*. Обозначение «парик» ранневизантийского времени в большей мере соответствует понятию «инквилин». Что касается фактического положения париков, то здесь, по мнению докладчицы, не было плавного, последовательного развития. Мелкая аренда, как и другие формы крестьянской зависимости, возникали на основе позднеантичного колоната; при этом некоторые из восточных правовых норм не получили четкого определения, хотя они по сути

были близки к этим отношениям зависимости. Парическое право, утверждающееся к концу V—началу VI в. в крупном церковно-монастырском землевладении, сохраняется неизменно, хотя и в несколько модифицированном виде; в то же время фактическое положение париков существенно ухудшается. В целом на Востоке, заключает докладчица, в силу как географических, так и исторических условий аграрные и общественные отношения в большей мере определялись традицией. В IV—VI вв. продолжали сохраняться эллинистические формы отношений под легким покровом не слишком глубокой романизации. Поэтому переход от поздней античности к средневековью, от восточных форм колоната к парикам X—XI вв. происходил путем более длительных и менее глубоких преобразований.

В дискуссии по докладу Х. Кепштейн приняла участие Г. Г. Литаврин и К. В. Хвостова. Г. Г. Литаврин согласился с докладчицей в том, что аграрные отношения IV—VI вв. нельзя назвать раннефеодальными, что период складывания феодализма в Византии относится к более позднему времени. Типологически правомерным, по мнению Г. Г. Литаврина, является и идея генетической связи отношений зависимости в византийской деревне IX—X вв. с эллинистическими формами аграрных отношений. К. В. Хвостова отметила продуктивность семантического метода исследования при изучении аграрных отношений. Высокую оценку доклада Х. Кепштейн дал и В. Вавржинек, подчеркнувший важность и новизну ее выводов.

В докладе К. В. Хвостовой (Москва) «Проблема византийской пронии» была сделана попытка комплексно рассмотреть данный вопрос. Докладчица проанализировала пронию с учетом общей политико-правовой доктрины Византии, результатов семантического анализа выражения, а также с применением приемов ретроспекции. Использование источников эпохи Палеологов позволяет понять выражение «*τα προνομια*» в «Трактате об обложении». Прония в докладе рассматривается как отчуждение в пользу определенного лица за его службу совокупности прав (а не только налога) над территорией, которые первоначально согласно византийской политико-правовой доктрине принадлежали императору. Как отметила докладчица, юридически прония представляла собой институт, цель которого состояла в создании надежных правовых гарантий для такой имевшей длительные традиции формы оплаты труда чиновников и стратиотов, как пожалование налога. На практике прония как всякое попечение имела двойственный вид и эволюционировала в сторону превращения в институт, в рамках которого переплетались публично-правовые и частно-правовые функции по отношению к земле и налогоплательщикам. Расширение семантического диапазона богословско-правовой категории «прония», дедуцирование смысла на реальные отношения, отметила К. В. Хвостова, — свидетельство и иллюстрация путей возник-

новения технических понятий и обозначений в Византии.

Доклад К. В. Хвостовой получил высокую оценку З. В. Удальцовой и Г. Г. Литаврина, которые отметили нетрадиционность постановки проблемы. По мнению З. В. Удальцовой, К. В. Хвостова справедливо отгадалась от двух полярно противоположных точек зрения относительно прогни, пойдя по среднему и, скорее всего наиболее правильному пути. Вместе с тем З. В. Удальцова отметила несколько чрезмерный юрицизм, ранее не свойственный докладчице, а Г. Г. Литаврин подчеркнул необходимость интерпретации сведений Никиты Хонната, отмечавшего отрицательные последствия прогни.

В докладе С. П. Карпова (Москва) «Основные тенденции социально-экономического развития латинской Романии» была сделана попытка дать обобщенный анализ основных направлений развития византийских территорий, перешедших после IV крестового похода под власть западноевропейских феодалов, и итальянских республик Венеции и Генуи. Докладчиком было показано укрепление частно-правовых форм эксплуатации греческого крестьянского населения, завершение процессов феодализации. Особое внимание было уделено структуре господствующего класса, путем инкорпорирования греческих архонтов в его состав. Была также представлена сравнительная оценка систем управления на территории Латинской империи, Морейского княжества, на венецианском Крите, на Кипре, принадлежавшем Лузиньянам, на островах Эгейского архипелага, в генуэзских факториях Крыма. Общей тенденцией было усиление сотрудничества завоевателей с верхушкой местного населения, в том числе, и торгово-ремесленной. Особо освещалась в докладе проблема эллинизации завоевателей, ее разные аспекты, пути и итоги. Докладчик продемонстрировал перемещение основных городских центров в Латинской Романии, аграризация многих греческих центров и подъем других, находившихся преимущественно во владениях Венеции и Генуи. Были приведены факты классовой и социальной борьбы греческого населения против завоевателей (восстания на Крите и Кипре, факты сопротивления в Аттике в XIV в. и др.). Важным итогом господства латинян в Романии, заключил С. П. Карпов, стало включение последней в общую Средиземноморскую систему торговых связей, более широкое вовлечение греческого торгово-предпринимательского населения в совместные с итальянцами коммерческие предприятия.

По докладу С. П. Карпова выступили З. В. Удальцова, К. В. Хвостова, Т. В. Бжатовская, которые отметили важность проблематики доклада и тщательность в его разработке.

Социальной структуре Константинополя в VI—VII вв. был посвящен доклад А. А. Чекаловой (Москва), которая дала характеристику следующим социальным слоям византийской столицы: сенаторской аристократии, торговцам и ре-

месленникам, интеллигенции, духовенству, люмпен-пролетариату и рабам. Особое внимание в докладе отводилось характеристике сенаторской аристократии Константинополя, которая, по мнению А. А. Чекаловой, не восходит генетически к римским временам, но является новым социальным образованием, сформировавшимся в IV—V вв. преимущественно из служилой знати и придворных, т. е. лиц, группировавшихся вокруг императора. Говоря о социальной мобильности внутри этого слоя населения, докладчица отметила, что, хотя сенаторская аристократия Константинополя была более открытым социальным слоем, нежели римская родовая знать, все же преувеличивать размеры мобильности в ее среде нет никаких оснований. Весьма подробно остановилась докладчица на характеристике торгово-ростовщической верхушки Константинополя, влияние которой особенно возросло к началу VII в., когда она в известном смысле противостояла сенаторской аристократии города. При характеристике остальных слоев населения столицы А. А. Чекалова обратила внимание на неоднородность их состава.

В прениях выступили Г. Г. Литаврин и З. Г. Самодурова. Г. Г. Литаврин, согласившись с выводами докладчицы, в частности, относительно сенаторской аристократии и степени мобильности в ее среде, подчеркнул, вместе с тем, то огромное значение, которое сыграла в развитии византиноведения теория нестабильности Г.-Г. Бека. З. Г. Самодурова остановилась на социальном составе интеллигенции города и коснулась истории константинопольского университета. В то время как А. А. Чекалова разделяла взгляды П. Шпека относительно ступеней образования, существовавших в империи, З. Г. Самодурова высказалась в поддержку точки зрения П. Лемерля.

В докладе П. И. Жаворонкова (Москва) «Социальная структура господствующего класса Никейской империи» были изложены предварительные выводы относительно классификации никейской знати по разрядам, степени вертикальной мобильности в ее среде, характере материальной базы этой знати. Докладчику удалось выявить 117 родов знати (430 человек), из которых по своим общественным функциям 56 принадлежало к разряду военной знати, 41 — к разряду «гражданской» знати, 9 семей были связаны с церковью, а о 10 семьях известно только то, что они являлись земельными собственниками. Как отметил П. И. Жаворонков, сама эта классификация весьма условна, поскольку представители одного и того же разряда знати, даже одной семьи нередко занимали как гражданские, так и военные должности. По мнению докладчика, степень вертикальной мобильности была довольно высокой, хотя определение ее в процентном отношении вызывает большие трудности. Появление новых родов (нередко одного поколения) особенно интенсивно происходило в среде военной аристократии, в первую очередь за счет привлечения на службу западных рыцарей. Характерным явлением становится

возвышение местных родов, назначение на высокие посты людей незнатных, но способных к руководству и командованию армией. Относительно материальной базы, в частности земельной собственности у двух основных разрядов знати можно сказать следующее: согласно данным источников, около 70 % военной аристократии имели земельные владения (в основном прони), в то время как в среде гражданской знати они зафиксированы только у 21 %. Безусловно, включает докладчик, в действительности процентное соотношение могло быть несколько иным, но не вызывает сомнений, что обеспеченность земельными владениями военной знати была значительно выше.

По докладу П. И. Жаворонкова выступили С. П. Карпов, И. С. Чичуров, О. Р. Бородин. Выступавшие отметили огромную сложность и научную значимость работы, проделанной докладчиком. С. П. Карпов подчеркнул еще неиспользованные резервы топографии, а также высказал сомнение в том, что принципы классификации знати в эпоху Комнинов и Никейской империи были одни и те же. И. С. Чичуров обратил внимание на продуктивность изучения на примере Никейской империи не вертикальной, а горизонтальной мобильности знати (переход представителей рода из одного социального разряда в другой). О. Р. Бородин выразил сомнение относительно принципиальной возможности выделения церковной знати как самостоятельной группы, т. к. тот факт, что некоторые представители тех или иных знатных родов делали церковную карьеру, не может быть основанием для идентификации целого рода, другие члены которого действовали на ином поприще.

В докладе О. Р. Бородина (Москва) «Социальная структура Равеннского экзархата» методом терминологического сопоставления была выявлена структура городского населения Северо-Восточной Италии в VI—VIII вв. В результате анализа источников докладчик пришел к следующим выводам. Высший эксплуататорский класс населения Равенны в VI—начале VII вв., т. е. на первом этапе византийского господства, был представлен крупными и средними земельными собственниками местного происхождения, высшим слоем духовенства и чиновничества, верхушкой торгово-ремесленного населения; в VII—VIII вв. происходит консолидация слоя земельных собственников различного происхождения, но, как правило, связанных с государственной службой. Средняя прослойка населения города в первый период состояла из куриалов, организованных в коллегии ремесленников и купцов, среднего и низшего духовенства, мелкого чиновничества. Во второй период исчезают сословие куриалов и ремесленные коллегии античного типа. Социальное лицо этой прослойки неопределенно, и из ее состава рекрутируются как представители высшего, так и (главным образом) низшего слоя городского населения. Низший класс на протяжении всего византийского периода был представлен мелкими земель-

ными собственниками, самостоятельно обрабатывающими свои участки, не объединенными в корпорации ремесленными низами, челядью. Докладчик подчеркнул, что низший класс городского населения был относительно немногочисленным и на протяжении изучаемого периода сокращался; причиной этого был протекавший в VII—VIII вв. процесс дезурбанизации, в значительно большей степени затронувший именно городские низы, которые эксплуатировались государством посредством налогов и господствующим классом через рынок.

Использованию церковных миссий для введения общественных норм в странах, принявших христианство, был посвящен доклад В. Вавржинека (Прага) «К вопросу о распространении византийских общественных норм посредством церковных миссий» (на примере кирилло-мефодиевской миссии в Великой Моравии). В докладе подчеркивается, что хотя кирилло-мефодиевская миссия и сумела исключительно удачно приспособиться к местной славянской среде, все же она в основном придерживалась византийских идеологических и общественных норм и стремилась внедрить их в Великой Моравии. Докладчик считает, что причина неудачи политической деятельности кирилло-мефодиевской миссии, несмотря на поддержку моравских правителей, заключается в особенностях социально-экономического и политического развития страны, которая в этот период времени превращалась в раннефеодальное государство типа Восточно-Франкского. Стремление миссии вводить здесь византийские юридические и общественные нормы, неизбежно приводило к тому, что моравский правящий слой в конечном счете выступал против нее, а позднее даже отказался от ее культурного наследия, приняв христианство западного типа. Более того, заключает В. Вавржинек, целый ряд моравских вельмож выступил также против культурной миссии Кирилла и Мефодия, потенциальное значение которой для дальнейшего развития моравского общества они не в состоянии были оценить.

В обсуждении доклада В. Вавржинека приняли участие З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин, Б. Н. Флоря, С. А. Иванов. З. В. Удальцова отметила важность и сложность проблемы, освещенной в докладе и в качестве перспективы изучения темы остановилась на сравнении миссии в Великую Моравию с византийскими миссиями в другие страны. Г. Г. Литаврин отметил, что призыв их в то или иное государство обычно находился в тесной связи с внутренними потребностями самого этого государства; иными словами, миссию призывали тогда, когда в ней возникала необходимость. Так обстояло дело и в Великой Моравии. Точку зрения Г. Г. Литаврина поддержал Б. Н. Флоря. По мнению С. А. Иванова, неудачу моравской миссии Мефодия следует связывать с начавшейся вскоре переориентацией дипломатической концепции Византии, о которой пишет Г. Лунгис.

Чешская исследовательница Л. Гавликова (Прага) выступила с докладом «Трансформация, рецепция и адаптация византийской социальной и политико-военной терминологии в славянской среде», который поднимал проблему возникновения и эволюции институций и их названий в славянской среде в период формирования моравского раннефеодального государства, когда в области права проявлялось сочетание самых различных элементов: местных славянских норм, византийской (латинской и греческой) и западноевропейской терминологии, а также обычного права протоболгар и юридических норм Ближнего и Среднего Востока. Сопоставив византийский свод законов «Эклога» со славянским сводом «Закон судного людем» в том, что касается терминологии и судебной практики, относящихся к военным делам (о военной добыче, выкупе и освобождении пленных, измене пленных вероисповеданию, краже на войне и т. д.), докладчица отметила, что для «Закона судного людем» из иконоборческой «Эклоги» преднамеренно отбирались те постановления, которые отвечали реалиям и правовым потребностям Великой Моравии. Докладчица обратила внимание на изменение функции греческих терминов, а также на смягчение наказаний в «Законе судного людем» в сравнении с «Эклогой», в чем она видит влияние западного права. В докладе сделан ряд интересных наблюдений о происхождении терминов «комет», «воевода», «отрок», а также такого распространенного в славянской среде (чехов, хорватов) и у венгров термина как «жупан», который, по мнению докладчицы, восходит к китайскому «*šuban*».

Доклад Л. Гавликовой получил высокую оценку З. В. Удальцовой, Б. Н. Флори и С. А. Иванова, которые отметили скрупулезность анализа, проделанного по сопоставлению славянских текстов с их греческими оригиналами. Вместе с тем Б. Н. Флоря отметил, что отсутствие ряда телесных увечий в качестве наказаний в «Законе судного людем» скорее всего объясняется влиянием не западного, а местного славянского, которому чужды были подобные нормы.

Доклад Р. Досталовой (Прага) «Социальные условия ренессанса романа в Византии XII в.» был посвящен выяснению причин широкого интереса как к античному роману, так и к появлению и особенностям собственно византийского. В докладе было отмечено, что при всем сходстве мотивов и схемы действия византийского романа с античными образцами его возникновение было вызвано вкусами византийского общества XII в. и отражает реальную жизнь и идеалы византийской придворной аристократии. В связи с этим Р. Досталова обращает внимание на возрастающую роль женщин-аристократок, обладающих крупной земельной собственностью в качестве неотчуждаемого приданого, в экономической и общественной жизни Византии того времени. Именно на этих женщин, грамотность и образованность которых заметно возросла, был и рассчитан, по

мнению докладчицы, византийский роман, в котором героиня выражает скорее всего женские идеалы. Характерные для византийского романа стихотворная форма и высокая степень лиричности, по мнению докладчицы, объясняются влиянием персидского придворного романа XI в. на византийский, хотя, с другой стороны, это могло быть, как отмечено в докладе, и типологическим совпадением.

По докладу Р. Досталовой развернулась оживленная дискуссия, в которой приняли участие З. В. Удальцова, З. Г. Самодурова, И. С. Чичуров, А. А. Чекалова. Отметив достоинства доклада, З. В. Удальцова подчеркнула необходимость сопоставления романа Византии с западным, в частности с «Романом о Розе». Ее поддержала З. Г. Самодурова, которая напомнила о проникновении в Византию XII в. западных обычаев (рыцарские турниры при дворе Мануила II Комнина и др.). По мнению ее и З. В. Удальцовой, грамотность женщин являлась лишь одной из причин возрождения романа в Византии XII в. И. С. Чичуров, говоря о докладе Р. Досталовой, предложил связывать возрождение византийского романа не столько с активизацией социальной активности женщины в это время, сколько с аристократизацией общества, общественного сознания и идеалов. А. А. Чекалова высказалась в поддержку тезиса докладчицы о связях между персидской и византийской литературой и о роли вкусов читателей в формировании тех или иных жанров в литературе.

Византийские апокалипсисы VII—IX вв. как источники по социально-экономической истории империи были исследованы В. Брандесом (Берлин). Отметив, что интерес к ним проявился среди исследователей совсем недавно (у К. Манго, П. Александера), докладчик указал, что, с одной стороны, апокалипсисы позволяют многое узнать о бедах и чаяниях народа, взглядах широких масс на историю, а с другой стороны, проследить их влияние на исторические сочинения византийских авторов, способы использования последними апокалипсисов (например, у Прокопия Кесарийского и Феофара). В. Брандес, опираясь в своей оценке в основном на апокалиптические сочинения Псевдо-Мефодия и «Последнее видение Даниила», выделяет одного из главных «героев» апокалипсисов — фигуру так называемого спасителя-императора, «добраго царя», который побеждает всех врагов империи и утверждает во время своего правления добро и порядок. О конкретных политических требованиях широких народных масс апокалипсисы молчат.

По докладу В. Брандеса выступили З. В. Удальцова, которая отметила сложность работы с подобного рода источниками, а также З. Г. Самодурова, И. С. Чичуров, С. А. Иванов. З. Г. Самодурова настаивала, что для установления достоверности сообщаемых апокалипсисами сведений их необходимо сопоставить с хронографами, а для определения их

хронологических рамок — более тщательно проследить рукописную традицию. И. С. Чичуров подчеркнул необходимость изучения наряду с собственно апокалипсисами апокалиптических сюжетов в других жанрах, например в хронистике (эпизод у гробницы Константина V в «Хронографии» Феофана). Согласно И. С. Чичурову, апокалиптическая литература характеризует не только специфически средневековую ментальность, о чем говорилось в докладе В. Брандеса, но и политическую идеологию империи («имперская эсхатология»). В этой связи было высказано и сомнение в трактовке этой литературы как отражения сознания преимущественно народных слоев империи. С. А. Иванов подчеркнул важность содержательного изучения апокрифов, поскольку и они могли, как показал В. Брандес, нести на себе отпечаток мыслей своей аудитории. Помимо рассмотренных в докладе отрывков, было бы интересно исследовать, что означали для

читателей и слушателей пассажи о низком происхождении «царя-избавителя», о том, что при нем «никто не будет играть ни на лире, ни на кифаре, ни в трагедии» (житие Андрея Юродивого). Что касается изучения цитирования апокалипсисов в сочинениях других жанров и наоборот, то здесь, по мнению С. А. Иванова, можно пойти еще дальше; так, пророчество Псевдо-Методия, что исмаилиты «сделают святые ризы своей одеждой» может быть поставлено в связь с известиями сирязычных источников той же эпохи, например с рассказом Иоанна Эфесского о том, как каган сделал из кивория шатер и забрал себе посвященные храму ризы.

В заключение хотелось бы отметить, что симпозиум отличали высокий научный уровень докладов и дискуссий, творческая атмосфера и стремление найти новые аспекты в решении поставленных проблем.

А. А. Чекалова

О КОНФЕРЕНЦИИ ПАМЯТИ А. В. БАНК

5 и 6 марта 1986 года в Государственном Эрмитаже впервые состоялась научная конференция, посвященная памяти Алисы Владимировны Банк, выдающегося ученого в области культуры и искусства Византии, одного из крупнейших специалистов Эрмитажа.

Вступительное слово произнес директор Эрмитажа академик Б. Б. Пиотровский. Он особо отметил ту огромную научную, хранительскую и просветительскую работу, которую А. В. Банк проводила в стенах горячо ею любимого Эрмитажа на протяжении более полувека. Ее труды, хорошо известные как в нашей стране, так и за рубежом, снизили ей заслуженный авторитет во всем мире как одного из лучших специалистов по прикладному искусству Византии.

На заседании было заслушано 17 докладов. Выступления коллег и учеников Алисы Владимировны из Ленинграда, Москвы, Тбилиси, Севастополя, Симферополя, Свердловска проходили под эгидой общей темы: «Новое в исследовании византийского искусства и культуры». Выбор тематики объясняется тем широким диапазоном интересов, знаний, которыми она обладала, ее постоянным стремлением новаторски подойти к каждой решаемой ею проблеме. «Прикладное искусство Византии и археология», «Византия и Русь», «Византия и Кавказ», «Византия и Крым» — вот лишь некоторые темы, которые так глубоко и интересно разрабатывала Алиса Владимировна и которые стали предметом докладов участников конференции.

Новое нашло выражение в трех сферах: атрибуции, в связях с сопредельными странами, в историко-культурных явлениях. Новые определения памятников, их ввод в научный оборот присутствовали почти в каждом докладе, хотя в то же

время ни один из них не был чисто атрибутивным; атрибуция была лишь средством обработки материалов для дальнейших выводов.

Собственно «византийских» докладов было немногим более половины. К ним относится доклад А. И. Комеча, посвященный анализу композиции собора Святой Софии в Константинополе. Исследуя архитектуру центрального здания с восьмью опорами и аркадами между ними (типа церкви Сергия и Вакха), автор сумел показать, как постепенное развитие подобной структуры обнаруживает конструктивную взаимосвязь всех форм, являясь в то же время источником особенной легкости и пространственности интерьера.

В докладе М. А. Поляковской «Зрелища в поздней Византии» обобщен и впервые подвергнут анализу материал источников, содержащих сведения о таком компоненте культуры как зрелища. Автором установлена коррелятивная связь между состоянием общества и характером зрелищ, а также выявлено место поздневизантийских зрелищ в общем контексте средневековой культуры.

Об интересном образце ранневизантийской станковой живописи шла речь в сообщении А. Я. Каковина «Живописная створка триптиха VI—VII вв.» Структурные особенности памятника, представляющего изображение одного из Диоскуров, техника живописи, данные стила и иконографии позволяют отнести этот предмет к VI—VII вв. Обнаружение его в Египте, где культ божественных близнецов был очень распространен, ряд характерных черт иконографии и стила позволяют считать, что памятник был создан в долине Нила.

Большой интерес вызвал доклад А. А. Иерусалимской «Некоторые новые ас-